

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 11 (221)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

Валентина Николаевна Сченснович
Россия и мусульманский мир № 11 / 2010

Серия «Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»», книга 221

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215491
Россия и мусульманский мир №11: Москва; 2010
ISBN 2010-11*

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	5
СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ	13
ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ	20
ЗАРУБЕЖНЫЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ	27
КУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Россия и мусульманский мир №11

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!***

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*А. Серапина,
публицист (г. Астрахань)*

История коррупции является самой неприятной и самой скандальной страницей политической истории любого государства. Ее расцвет свидетельствует об упадке системы государственного управления и моральном разложении тех лиц, которые были призваны быть парадным лицом этого государства. Но история свидетельствует, что коррупция не всегда понималась обществом однозначно в негативном значении. История коррупции в России относится к X в., когда по примеру Византии возникает институт «кормления» – древнерусский институт направления главой государства (князем) своих представителей (воевод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения. Предполагалось, что население региона будет «кормить» своего наместника. Последний обладал огромными полномочиями, и ясно, что население не скупилось на подношения. «Откормленные» воеводы, возвращаясь в столицу – Москву, везли с собой накопленное добро, «подарки», «излишки» которых изымались еще при въезде в Златоглавую в пользу казны. Так возникала круговая порука взяточников провинциальных и столичных.

В средневековой России «кормление» воевод и присвоение ими платы за разрешение конфликтов считались обычным доходом служивых людей наряду с жалованием из казны или получением поместий. Чем более централизованным являлось государство, тем более строго оно ограничивало самостоятельность граждан, провоцируя чиновников низшего и высшего звена к тайному нарушению закона в пользу подданных, желающих избавиться от строгого надзора и контроля общественности. Кормление было официально отменено в 1556 г., но традиция жить и богатеть за счет подданных фактически сохранилась надолго, быть может, до настоящего времени. Не было недостатка в моральном и государевом осуждении взяточничества – в XIII в. митрополит Кирилл, затем цари Иван III, Иван IV Грозный, при котором состоялась первая известная казнь за взятку. В 1550 г. появился «Судебник», свод законов Ивана Грозного, в котором он начал официальную борьбу со взяточничеством. Уже при Борисе Годунове дьяков, которые брали взятки, не только публично секли, но и возили по городу, причем на шею им вешали тот самый «незаконный принос». Но даже такие жестокие наказания не смогли искоренить преступный обычай в среде российского чиновничества. Коррупция («воровство») в Московии сопровождалась не только расхищением государственной казны, но и возведением бесчестия на других казнокрадов («позорят, лают и лгут»), с целью отвода от себя подозрений в этом грехе. Таким образом, коррупция усиливает не только моральное разложение власти, но и увеличивает поток лжи и брани среди конкурирующих элитных групп и отдельных лиц. «Воровская мысль» уже тогда была предметом серьезных судебных разбирательств и чиновникам приходилось прибегать к изощренным актам фальсификации для того, чтобы доказать свою «правоту» и отстоять свое «честное имя» («знатную породу»). Следует сказать, что психология этой «породы» претерпела за это время незначительные изменения.

Ненормативное поведение чиновничьего аппарата вряд ли будет содействовать укреплению и процветанию политической мощи и авторитету государства. Коррупция вообще и политическая коррупция в частности является одновременно и причиной и следствием слабости государства как носителя государственной власти и гаранта социального благополучия общества. Общеизвестно, что коррупция в государственных структурах препятствует не только успешному развитию государственного управления, но и влечет за собой огромные

дополнительные затраты со стороны бизнеса и населения, что в целом тормозит экономическое развитие страны. Меры по противодействию и борьбе с коррупцией являются приоритетными для России на современном этапе. Международные рейтинги показывают, что уровень коррупции в России недопустимо высок.

Отечественные исследования отмечают устойчивую воспроизводимость коррупции в российской государственности (как царской, так и советской) на протяжении всей ее истории. Эта особенность коррупции была отмечена еще в начале XX в. представителями «отечественной социологии чиновничества». Изучая такую форму коррупции, как взяточничество, отечественные исследователи сделали следующие выводы о природе этого явления в России:

1) подкуп административного лица является прочной традицией российского государственного быта;

2) формы взяточничества менялись, но суть ее формы злоупотребления властью, как служебного преступления, сохранялась;

3) воспроизводимость явления нашла отражение в языке (и бытовом, и литературном) – появились как прямые его обозначения, так и многочисленные афоризмы, вроде «оказать почесть», «проявить уважение», «мзда», «корм» и т. д.

Исследователи отмечают, что к 1970-м годам советская номенклатура вплоть до руководителей государства и Коммунистической партии была тотально коррумпирована. Достаточно здесь будет вспомнить «хлопковые», «фруктовые», «рыбные», они же «узбекские», «казахские», «молдавские», «московские» и прочие дела и процессы, отразившие лишь видимую, поверхностную часть этого явления.

Анализ имеющихся на сегодняшний день в распоряжении общественных наук данных указывает на существование своего рода «заговора», существующего в чиновничьей иерархии. Суть этого «заговора» заключается в том, что чиновники знают, кто, сколько берет, и при этом сохраняют молчание, проявляя тем самым свою корпоративную солидарность. Они также знают, что коррупция плоха с моральной точки зрения, но крайне выгодна для достижения личных и чаще всего эгоистических целей. Так, бывший премьер-министр России (1998) Е.М. Примаков спустя годы признавался: «Будучи премьером, попросил всех в правительстве, кто связан с валютой и торговлей, дать мне в письменном виде информацию о том, куда уходят деньги, в том числе из-за дыр в законах. В ужас пришел не только от того, какие масштабы, но и от того, что все все знают. Встала дилемма – если все это опубликую, придется прибегать к репрессиям. Делать этого было нельзя, особенно с учетом того, что стояла задача стабилизировать ситуацию расшатанную дефолтом. Тогда решил хотя бы выступить с угрозой в адрес коррупционеров, которая их ничуть не напугала». Из этого следует, что представители высших эшелонов власти ситуацией владели, более того, практически ее и создали, приняв в ней самое непосредственное участие. Они управляют не только делами государственными, но и самими коррупционными процессами. Естественно, что вторая часть их деятельности не является публичной, а находится в тени их основной официальной практики.

Коррупция является одной из важнейших, чуть ли не центральной составляющей такого явления, как теневая политика и теневая экономика. Поскольку экономика и политика постоянно обмениваются своими ресурсами, то их взаимоотношения могут оказывать существенное влияние как на политическую, так и на экономическую сферу деятельности. Теневая политика понимается как некая «совокупность идеологических, технологических и инструментальных приемов и действий, ориентированных на формирование параллельных (скорректированных под заданные цели) или альтернативных (оппозиционно-революционных) институциональных отношений». Сам факт нахождения в «тени» уже предусматривает

разворачивание разнообразной коррупционной деятельности (взятки, «откаты», монополизация, трудоустройство родственников и т.д.).

Теневая политика представляет собой область различных неформальных коалиций по потреблению государственных ресурсов. Сам факт наличия такой «зоны» резко ускоряет процесс утраты государственными учреждениями правовых и нравственных ограничений. В результате получается существование рядом с формальным миром политических и экономических отношений не менее равноправного параллельного «неформального мира» (который имеет такие свойства, как самоорганизация, усложнение и развитие в пределах данного времени и существующих общественно-политических форм). Особую роль играет в России неофициальная сфера национального хозяйства – теневая экономика, предпринимательская деятельность осуществляется вне учета и контроля со стороны государства и не отражается в официальных статистических данных. В этой области специалисты выделяют три сегмента: белый, серый, черный. Существуют различные прямые и косвенные методы оценки размеров теневой экономики. В целом в мире в рамках данного сектора ежегодно создается добавленная стоимость не менее чем на 8 трлн. долл., не зафиксированная в официальной отчетности. В России, по имеющимся оценкам, теневая экономика достигает 40 % ВВП. Только на взятки в России затрачивается примерно 37 млрд. долл.

Профессор А.А. Вартумян приходит к выводу о том, что любое увеличение доходов в теневой экономике приводит к увеличению объема денежных средств, направляемых на взятки, в результате чего и происходит дальнейшее расширение масштабов коррупции. Большинство действий в рамках теневой экономики осуществлялось прежде всего в системе отношений «государство–бизнес», т.е. «политика–экономика». Объективные противоречия между государственными структурами и бизнесом выражаются в том, что интерес первых состоит в пополнении финансовых ресурсов за счет налогоплательщиков, а вектор интереса бизнеса развернут прямо противоположно. Стороной, которая несет основной ущерб от противоправных действий, является общество. Таким образом, теневые отношения государства и бизнеса непосредственно направлены против общества.

Исследователи отмечают, что «причина живучести российской коррупции – в масштабах теневой экономики, в слишком широком зазоре возможностей чиновников при выдаче разрешений. И в фактически полной безнаказанности. В Европе тормозом служит страх потерять весьма значительные пенсии за выслугу лет и жесткая система декларации доходов и имущества чиновников и их семей. Но в России суммы откатов и взяток таковы, что страх потерять пенсию растворяется перед соблазном за две–три коррупционные сделки обеспечить безбедное существование для себя и детей. В России никто не спрашивает, каким образом госчиновник, милицейские или судебные чины владеют миллионными особняками». При принятии ответственных решений элита власти иногда руководствуется не государственными, а узкокорыстными интересами.

На современном этапе коррупция в России приобрела чрезвычайно широкие масштабы. Однако определять создавшуюся ситуацию как совершенно исключительную вряд ли правомерно. С одной стороны, коррупция с начальных этапов формирования профессиональной бюрократии была типичным институтом российского общества. С другой стороны, индекс восприятия коррупции в современной России на фоне других стран мира, в том числе и среди бывших советских республик, значительно ниже. Рост коррупции и превращение ее в социальное явление российской политики является наиболее опасной деструктивностью, способной перечеркнуть многие позитивные достижения предыдущего периода социально-экономического развития страны. Уже в 2005 г. общий рынок российской деловой коррупции превысил доходы федерального бюджета почти в 3 раза. Средний размер взятки бизнесменов чиновникам составлял 130 тыс. долл., в то время как в 2001 г. – всего лишь 10 тыс. долл. (цифры не включают коррупцию в высших эшелонах власти). В итоге стои-

мость товаров и услуг в стране из-за одной только коррупции стала дороже на 50 %, чем за рубежом. Три четверти коррупционных денег бизнеса достается представителям органов местного самоуправления, 20 % – региональным властям, 5 % – федеральной власти.

Среди форм коррупции сегодня на первом месте стоит взяточничество (65 %), но не менее распространены такие формы, как семейственность и родственные связи (52 %), подкуп государственных служащих (35 %), махинации с государственным имуществом (33 %), вымогательство со стороны госслужащих (30 %), оказание услуг с использованием служебного положения (28 %), действия в обход существующего порядка ведения дел в собственных корыстных интересах (14 %), предоставление неоправданных льгот и привилегий (10 %) и т.д. По данным на 2005 г., российские чиновники получали только на взятках в год 33,5 млрд. долл. «За “проведение схемки” чиновник берет 10 % от суммы сделки. Исследования показали, что по размаху обдираловки лидируют контроль и надзор, фискальная и налоговая сферы, лицензирование и таможня. Именно в эти госструктуры на любую должность рвутся те, кто решил прийти во власть, чтобы заработать в собственный карман».

Беспокойство вызывает не столько высокий уровень коррупции, сколько тенденция к ее росту. Особенно опасно то, что коррупция, как считают многие исследователи и рядовые граждане, сильнее всего поразила органы внутренних дел, призванные вести борьбу с коррупцией. Громкие коррупционные скандалы в последнее время имеют одну особенность: в них замешаны люди, которым по службе велено стоять на страже законности. Отмечаемая высочайшая коррумпированность данной структуры является сильным тормозом к разрыванию антикоррупционной борьбы. При этом всегда особо подчеркивается, что развитию коррупции в немалой степени способствует не только «злая воля» чиновников-политиков (коррупционеров), но и несовершенство самой законодательной базы государства. Законы «пишутся» не под объективные условия существования общества, а под конкретные «проекты» отдельных политических или хозяйствующих групп, что уже само по себе создает условия для коррупционной деятельности указанных лиц.

Расцвет коррупционной деятельности ведет к экономической неэффективности и неоправданным расходам, а прибыль, полученная через коррупционные связи, в основном используется в секторе потребления. Несправедливое распределение поднимает цену товаров или услуг, снижая их качество, негативно сказываясь на конкурентоспособности и эффективности экономики России.

Особое место в политической коррупции занимает электоральное поведение. Рассматривая коррупцию в электоральном поведении, В.Л. Римский в итоге сводит ее к клиентелизму в поведении избирателей. И хотя понятие «коррумпированное электоральное поведение» в политической науке мало используется, существует распространенное понятие «электоральная коррупция», смысловое содержание которого оказывается значительно шире предыдущего понятия. Например, современная юридическая наука определяет следующие формы электоральной коррупции:

1. незаконное финансирование избирательных кампаний;
2. использование «административного ресурса»;
3. подкуп (продажность) членов избирательных комиссий с правом решающего голоса;
4. противоправное осуществление информационного обеспечения выборов, референдума организациями, осуществляющими выпуск СМИ и их представителями из корыстной или иной заинтересованности;
5. подкуп (продажность) лиц, призванных обеспечивать открытость и гласность избирательного процесса;
6. подкуп (продажность) лиц, призванных представлять интересы кандидатов, избирательных объединений (доверенные лица, уполномоченные представители по финансовым вопросам);

7. подкуп (продажность) кандидатов, не связанный с финансированием избирательной кампании;

8. подкуп (продажность) избирателей.

Основные формы и техники подкупа избирателей были апробированы в России еще в 1990-е годы и в отдельных регионах весьма успешно работали еще и в начале 2000-х годов. Эволюция избирательной системы России рубежа XX и XXI вв. представляет собою переход от группового (элитного) к единоначальному (VIP) принципу. Если в 1990-е годы сами элиты решали, кого и куда избирать, то в 2005 г. это право у них было отобрано, и в России остался один, но главный избиратель страны – Президент РФ. Однако и в этом некоторые политические комментаторы усматривают проявление российского демократизма: впервые внутрикремлевские процедуры, которые до сих пор были процедурами теневыми, получили официальный статус.

Одна из причин, по которым многие общества серьезно поражены коррупцией госаппарата, заключается в том, что почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких нарушениях властям. «Не только совокупный побудительный мотив частного сектора толкает его обойти закон, но и все побудительные мотивы, характерные для частного сектора, оказываются на стороне тех, кто нарушает правила и постановления. Когда таких постановлений и ограничений становится слишком много, рано или поздно частный сектор (поскольку все или почти все его представители имеют побудительные мотивы к нарушению антирыночных установок или к подкупу чиновников) делает правительство коррумпированным и неэффективным». Особенностью современной коррупции является последовательное расширение зоны своего влияния за счет новых, ранее достаточно защищенных от нее сфер, в частности правоохранительной деятельности и высших эшелонов власти, что делает ее особенно опасной. Сегодня практически нет ни одного органа государственной власти, коррупционные услуги которого не были бы востребованы бизнесом. В распределении российских рынков коррупционных услуг практически монопольно главенствует исполнительная власть. На ее долю приходится 98,97 % общего объема рынка коррупционных услуг (для сравнения: судебная власть – 0,86 % и законодательная власть – 0,17 %). Причем наибольший коррупционный доход приносят эксклюзивные властные функции исполнительной власти, в частности такие, как нефинансовая контрольная и надзорная деятельность – 34,6 %, лицензирование – 34,2, фискальное взимание налогов и налоговый контроль – 22,0 %.

Определенный ресурс для развития коррупции содержат лоббистские практики, особенно в своей нелегальной части. Законный лоббизм предоставляет широкий комплекс услуг от предоставления экспертной информации и продвижения законопроектов до поддержки неформальных связей с чиновниками и воздействия через СМИ. Именно на основе этих практик складываются так называемые «железные треугольники» – устойчивые связи между депутатами, чиновниками отраслевых министерств и корпорациями.

Многими политическими обозревателями отмечается, что безответственная и безнравственная власть всегда бывает особенно коррупционна. Из этого наблюдения мы можем сделать вывод о том, что уровень коррупции власти напрямую зависит (пропорционален) от ее безнравственности. Причем, чем безнравственнее власть себя ведет, тем больше шансов если не у правоохранительных органов, то у историков найти в ее практике злоупотребление.

К коррупции можно отнести и процесс приватизации начала 1990-х годов, поскольку он создал новую социальную конструкцию, два полюса: на одном из которых сосредоточилось бедное большинство («новые социальные низы»), а на другом – сверхбогатое меньшинство (олигархи). Среднего класса, который является основой гражданского общества, при таком формате и в таких условиях не бывает. При этом власть сама (в силу своей неопытности или скрытого злого умысла?!) создала благоприятные политико-правовые условия

для несправедливой приватизации. Именно несправедливость и является тем признаком, по которому мы можем определять уровень коррумпированности власти. При этом политическая и социальная несправедливость имеет экономические корни.

Глава Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов указывает, что в структуре коррупции 40 – 60 % составляет система откатов. Коррупция проявляется также в системе госзакупок, выделения различных квот, например, в сфере природопользования и других сферах. В условиях экономического кризиса масштабы коррупции будут только расти, поскольку объем бюджетных средств, выделяемых на антикризисные программы, увеличился, а система контроля за их расходованием еще пока не сформирована. По оценкам компетентных органов, предоставление эксклюзивных прав (льгот, в том числе по экспорту и импорту, налогам, лицензированию и т.п.) – благодатнейшая почва для коррупции. При подготовке проекта концепции административной реформы производилось анкетирование правительственных ведомств, и среди прочего анкета содержала вопрос о полномочиях, которых не хватает ведомству. Право выдачи лицензий было в числе наиболее распространенных пожеланий.

Дешевая рабочая сила (по большей части нелегалы), строящая элитное жилье, выгодна самим строительным компаниям и банкам, дающим ипотеку. В России «цены на жилье заоблачные, а услуги строителей-мигрантов – копеечные. Вот и получается, что кучка особо предприимчивых получает за счет этой разницы сверхприбыль. И именно они будут делать все возможное для того, чтобы миграция оставалась в нынешнем состоянии. Иначе им придется увеличивать зарплаты, создавать человеческие условия для жизни рабочих, т.е. увеличивать расходы. Но у большинства мигрантов единственное преимущество – это их готовность жить где угодно. Поэтому их нанимать выгоднее, чем коренное население, которое претендует на нормальные условия труда». Пока государство живет за счет дешевой рабочей силы своих граждан, никакого гражданского общества в этой стране в принципе быть не может. Перед нами фактически замаскированная эксплуатация труда человека, лишённого экономической и политической самостоятельности. В 2004 г. экономисты в один голос говорили об этом дисбалансе. Рост цен в России, согласно мнению доктора экономических наук Е. Паниной, является следствием сговора монополистов, которые четко отслеживают, когда на финансовом рынке появляются новые средства (в частности, денежная компенсация льгот), чтобы спешно и успешно их «освоить». Монополисты взвинчивают цены, что приводит к полному обесцениванию всех компенсаций. Государство попусту бросает все эти средства в топку, поскольку до самих граждан они не успевают дойти. Поэтому власть монополистов должна быть ограничена. «Когда цены будут под контролем государства, нужно резко повысить доходы всего населения. Во всем мире существует понятие “социальный стандарт жизни”. Позор то, что наша страна – единственная, где мериллом благополучия считается минимальный размер оплаты труда».

Коррупционная деятельность чиновников наносит колоссальный вред национальным интересам и национальной безопасности России. Это фактически «пятая колонна», внутренний враг, засевший и поразивший сами органы власти. «Коррупция – угроза развитию государственного управления. Коррупция ставит под удар национальную безопасность страны. В 2006 г. заместитель генерального прокурора РФ А. Буксман привел цифры, согласно которым объем рынка коррупции в нашей стране сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в более чем 240 млрд. долл. По данным фонда ИНДЕМ, этот показатель еще выше: только в деловой сфере России объем коррупции вырос между 2001 и 2005 гг. примерно с 33 до 316 млрд. долл. в год». Коррупция затрагивает и криминальное сообщество. Так, по экспертным оценкам, от 30 до 50 % доходов организованной преступности идет на подкуп государственных должностных лиц, на проведение своих людей в исполнительные и законодательные органы. Плодотворную почву для коррупции создают проникающие

во властные структуры криминальные элементы. То, что власть оказывается незащитной перед таким явлением, виновата тоже коррупция. Более того, исследованиями было отмечено, что власть перенимает некоторые черты криминальной культуры, и напротив – криминал впитывает в себя отдельные элементы политической культуры. В результате бывает трудно отличить «вора в законе» от действующего политика.

О сращивании власти и криминала российские СМИ писали еще в самом начале 2000-х годов. Отмечалось, что «воры в законе» весьма уютно разместились в самых высших эшелонах власти. Факты, полученные СМИ из разных источников, как официальных, так и неофициальных, способны повергнуть, как минимум, в легкий шок:

1) среди народных избранников Государственной думы России имеются три (!) «вора в законе» и семеро «воров в авторитете» (т.е. те, кого могут короновать в ближайшем будущем). Конечно, все они вполне могут оказаться и «прошляками», т.е. бросившими воровское дело, но факт остается фактом: три «вора в законе» на одну Государственную думу – это многовато;

2) в руководящем составе российских министерств татуировки высшей воровской лиги – «воров в законе» – имели на март 2001 г. 18 человек;

3) в другой, не менее серьезной структуре – Администрации Президента России – доблестно трудились еще два криминальных авторитета, чьи татуировки свидетельствуют о почетном звании «вора в законе»;

4) в выборах в Московскую городскую думу, которые состоялись 16 декабря 2001 г., планировали принять участие еще четверо достаточно известных «воров в законе», предвыборная кампания которых располагала такими финансами, которые обеспечивали им весьма высокие шансы стать московскими депутатами.

Судя по тем средствам, которые чиновники тратят на себя и свои «политические проекты», никакого финансового кризиса в России нет. Все недочеты власти старательно прикрывают громкими заявлениями о достигнутых ими успехах. Ситуация напоминает состояние городских властей накануне приезда в их город высокого начальства – те места города, где имеются неприглядные пустыри, мусорные кучи и долгострой, стали прикрывать от посторонних глаз гигантскими брандмауэрами, на которых с любовью нарисованы зеленые кусты и окна.

Призывы к экономии бюджетных средств, прозвучавшие с самых высоких трибун, так и не были слышны на нижних этажах власти. Практически ежедневно в СМИ проходит информация о том, как органы власти разного уровня тратят казенные средства на закупку различных товаров элитного потребления. На проведение всевозможных саммитов и юбилеев власти всегда находят нужные средства, при этом говорят о том, что сами саммиты и юбилеи – не самоцель, главное – после них останутся дома, мосты, дороги и прочая инфраструктура. Но в жизни так получается не всегда. На практике оказывается, что власти не в состоянии бывают полностью выполнять программы социальной поддержки населения, но при этом находят средства на покупку предметов роскоши. В этой связи СМИ отмечают, что «даже в условиях кризиса, когда население вынуждено экономить на морковке, наше чиновничество декларирует какие-то немислимые доходы... И это при том, что Д. Медведев уже намекал служащим на необходимость соблюдать хоть какую-то скромность. Но наш чиновник, привыкший к круговой поруке и безнаказанности, даже кремлевские намеки понимает, лишь оказавшись в кутузке». Антикоррупционные законопроекты оказываются пустословием потому, что «из них всякий раз каким-то таинственным образом исчезает положение о конфискации имущества, нажитого преступным путем. А без конфискации крупному взяточнику ничего не страшно... Стоит ли удивляться, что при «беспощадной борьбе», которую власть ведет с коррупцией, ее уровень, по недавнему признанию генпрокурора Ю. Чайки, возрастает ежегодно на 5 %».

Сегодня самими властями признается, что России необходим реальный выход из коррупционного кризиса, а не политизированная истерия. С целью борьбы с коррупцией специалистами предлагается минимизировать контакты чиновника с заказчиком государственной услуги, создание и широкое применение так называемого «электронного правительства». Пока что в этом плане Россия имеет серьезное отставание от западных аналогов, и если объявленная президентом модернизация не увенчается успехом, то коррупция задушит у нас не только демократию, но и развивающееся гражданское общество.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура», Астрахань, 2009 г.
№ 4, с. 103–110.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

*Олег Яницкий,
доктор философских наук*

Инерция российского социума, сращенность бизнеса и власти, неразделенность ее ветвей, фактически однопартийная система, ограниченность гражданских прав и свобод сохранятся в обозримом будущем. Это значит, что глобальные и даже региональные войны маловероятны, поскольку российские активы находятся в западных банках. Но давление извне (в форме конфликтов локальных, требования участия в миротворческих акциях далеко за пределами страны и т.д.) будет нарастать. В данном случае важно прежде всего то, что это давление извне будет отвлекать внимание и ресурсы от нужд модернизации и снижать мотивацию населения по участию в этом процессе. Вопрос массы самостоятельного населения: «Что даст лично мне эта неизвестная модернизация?» – далеко не праздный. Начиная с периода позднего брежневизма, негласно направлявшего жизнь этой массы по принципу «живи и давай жить другим», потребление, а не труд, тем более – труд творческий, инновационный, стало ее главным ориентиром. До начала кризиса 2008 г. идеология потребительского общества прекрасно работала, даже в малообеспеченных слоях населения. На базе этой идеологии выросло и сформировалось поколение. За годы реформ мы не слышали никаких призывов к ее изменению. Напротив, вся пропагандистская машина работала на эту модель быстрого обогащения и успеха любой ценой. Иными словами, главная предпосылка социально-ориентированной модернизации заключена в том, что ее идеология попросту отсутствует.

Действительно, российская правящая элита не определилась: какая модернизация, модернизация чего именно стране необходима? Технологическая, экономическая, политическая, или они все вместе? Однако, судя по ряду выступлений первых лиц, это будет модернизация существующей ресурсно-ориентированной экономики и связанной с нею политической и социальной структуры. И это, с точки зрения правящей бюрократии, логично, поскольку существующая модель ресурсно-ориентированной экономики обеспечивала как ее, элиты, экономические и политические интересы, так и социально-политическую стабильность в обществе. Поэтому попытаемся рассмотреть коридор техно-бюрократической модели модернизации. Сначала – об общих последствиях ее реализации:

Во-первых, следование ей означает разрыв с западной моделью модернизации, которая, по Н. Кондратьеву, приближается к переходу от четвертой к пятой технологической революции, тогда как мы остаемся на рубеже завершения второй, индустриальной, революции и перехода к третьей, информационной. Этот разрыв означает, что диалог и взаимопонимание между нами и Западом будет затруднен. Мы просто будем говорить на разных языках.

Во-вторых, модернизация ресурсной модели будет означать ускорение нашего отставания от Запада, потому что ресурсная модель нашего общества зиждется на достижениях третьей технологической революции (середина XX в.), а динамизм западного общества, основанный на информационных технологиях, все время возрастает.

В-третьих, ресурсная модель модернизации и основанная на ней модель потребительского общества не предполагают серьезных изменений в социальной структуре общества, в ее ценностных ориентирах. То, что является мотором модернизации – «вперед-смотрящая элита» и связанный с нею слой инноваторов, – отсутствует в данной связке. Всегда проще и эффективнее купить на Западе модернизированные технологии по добыче и переработке ресурсов и привлечь западных специалистов для их наладки, используя отечественную рабочую силу как временную и подсобную, чем создавать дорогостоящую школу под-

готовки своих ученых и технического персонала. Вывод: российские специалисты в массе будут деградировать или останутся на вторых ролях. Не зря лидеры правящей партии заговорили о модели «консервативной модернизации».

Тип ресурсной модернизации ущемлен не только потому, что она все более будет превращаться из «догоняющей» в «отстающую», а также не потому, что Запад с каждым годом ослабляет свою зависимость от наших углеводородных ресурсов (замечу, что на решение этой глобальной задачи нацелены не только политики и ученые, но и социологи, как, например, Э. Гидденс), но прежде всего потому, что потребность в том или ином природном ресурсе, а также направление его движения и места его конечного использования быстро меняются. За прошедшие несколько лет центр «притяжения» российских углеводородов переместился из Западной Европы в Китай и Юго-Восточную Азию. «Тяжелая модернизи» наших трубопроводных систем, зарытых в землю, и привязанной к ней инфраструктуры ее развития и обслуживания (строителей, дорожников, ремонтников и охранников) в принципе не способна успеть за «текучей модернизи», основанной на постоянно меняющихся силе и направлении потоков финансовых капиталов, перемещающих за собою «точки» производства с легкостью фишек на игровом столе. Эта их устрашающая геополитическая мобильность, действующая по принципу – нанести удар и мгновенно ретироваться, не отвечая за последствия, ведет к «инверсии» ситуации: из диктующих свою волю мы можем превратиться в исполнителей воли чужой. И это не злой умысел или заговор, а динамика современной мировой экономики. Мы, как в советские времена, вкладываем ресурсы за пределами страны, хронически недодавая требуемого ей самой.

Но все же главное ограничение – внутреннее, созданное идеологией успеха любой ценой. Это не изобретение финансовой олигархии. Достаточно вспомнить последствия покорения целины в СССР в 1950–1960-х годах. Отечественные адепты самых разных версий технобюрократической модернизации решительно не хотят видеть ее обратную сторону, т.е. ее последствия, а именно – обратное воздействие на человека и общество той самой техногенной среды, которая была создана столь тяжкими усилиями советского народа. Как верно заметил наш финский коллега, в терминах фрейм-анализа, т.е. доминирующего взгляда на мир и страну, Россия рассматривается ее элитой как источник ресурсов, нежели как пространство для жизни населения. Я писал о двух неустраняемых последствиях форсированной модернизации СССР: выделении огромных масс энергии распада (беженцев из районов локальных войн и этнополитических конфликтов, вынужденных переселенцев, бомжей, беспризорных детей, криминальных элементов всех разновидностей) и превышении несущей способности среды обитания, когда она из поглотителя рисков (радиоактивных и прочих отходов, гниющих искусственных морей и т.п.) превращается в их источник, поражающий все живое, только медленно и незаметно, а потом «неожиданно» взрываясь. Причем локальные катастрофы и конфликты создают глобальные риски и проблемы, а те, в свою очередь, – международную напряженность и конфликты, препятствующие модернизации страны. Российские социологи не хотят видеть социальных последствий прошлой инженерно-технической деятельности. Они вообще не хотят соваться в эту сложную сферу деятельности государственных институтов. Вместо того чтобы создавать новые высокотехнологичные производства и необходимую им инфраструктуру, в том числе производства по переработке токсичных и бытовых отходов, мы ремонтируем и «модернизируем» старую индустриальную систему, закачивая в нее гигантские деньги.

Другой тормоз – это приоритеты модернизации. Вместо того чтобы сконцентрировать силы и ресурсы на создании ключевых для перехода общества в следующую фазу модернизации производствах и системах подготовки кадров, мы озабочены ремонтом спортивной бюрократии, темпами строительства в Сочи или на острове Русский. Возможно, Сочи под-

нимет престиж нашего спорта, но никогда не будет импульсом модернизации, потому что это – еще одна очень дорогая стройка.

Техно-бюрократическая цивилизация тем и отличается от остальных, что ее нельзя бросить без присмотра. Риски и опасности, создаваемые ею, превратились в неустрашимый компонент любой человеческой деятельности – созидательной и разрушительной. Россия стала обществом всеобщего риска. Риски, явные и скрытые, отложенные или трансформировавшиеся, – очень серьезное ограничение модернизационных усилий, так как:

1) все больше ресурсов требуется на устранение последствий форсированной модернизации;

2) люди болеют, рано умирают, молодежь стремится бежать из рискогенных зон куда глаза глядят, что снижает социальный капитал страны;

3) торговля живым товаром и рабство, эти худшие проявления криминального бизнеса, продолжаются более 20 лет; нет никаких признаков их сокращения, потому что это бизнес, бесчеловечный, но бизнес;

4) но, может быть, главное, о чем пишут все наши зарубежные коллеги, это – создание атмосферы страха и неопределенности, непредсказуемости.

Люди по мере сил перемещаются не туда, где предполагается создание «силиконовых долин» (им никто не объясняет, как они будут создаваться и кто там будет востребован), а туда, где, как им кажется, теплее и безопаснее, т.е. на Юг страны, который и так перенаселен. Миграция туда – иллюзорная безопасность и никакая не модернизация, потому что там, как и везде, дамбы старые и неухоженные, каналы старые и не чищенные, а сотни тысяч людей по-прежнему ходят по нужде «до витру». В советские времена инженеры учитывали «усталость металла», гигиенисты – «усталость людей», сегодня власть не хочет публично признать кричащую проблему крайней «усталости» всей технической инфраструктуры страны, работающей на износ более 20 лет. Это еще одно подтверждение технократической зашоренности нашей бюрократии. Когда я выдвинул гипотезу, что Россия стала «обществом всеобщего риска», коллеги отнеслись к этому снисходительно, посчитав, что это перенос концепции «общества риска» У. Бека на российскую почву. Напротив, в научно-технической сфере сформировалась школа изучения рисков и опасностей, что еще раз подтверждает господство у нас технократической идеологии. Новое исследование западного гуманитария свидетельствует, что там в изучении этой проблемы продвинулись очень далеко.

В эпоху модернизировать кадры действительно решают все, но не в прежнем (сталинском) смысле. Рассматриваемый нами тип требует специфические кадры: технократически ориентированные и сохраняющие приверженность потребительской идеологии. Для этого типа модернизации нужны специфические социальные лифты – вся система образования и профессионального обучения давно подстраивается под это. Термин «рекрутирование» я употребил потому, что для «политики труб» требуется незначительное число высококлассных специалистов, которых можно рекрутировать за рубежом (или обучить там своих). Но что этой модернизации действительно необходимо, так это рекрутирование сотен тысяч «кочевников», начиная от геологической и иной разведки и до армии охранников и ремонтников. Им стажировки за рубежом не требуются – они прошли их в «горячих точках» или в силовых ведомствах, оттачивающих навыки в борьбе с протестными акциями. Если сокращение силовых структур действительно, как планируется, произойдет, то пополнение армии охранников обеспечено. Что действительно потребуется, так это образ жизни советских времен, когда миллионы людей перемещались с места на место принудительно или в поисках хорошего заработка. Подчеркну: это – не образ жизни тех западных индивидов, которые с легкостью перемещаются с места на место, потому что это условия прогресса «текучей модернизи» («налегке, в теннисных туфлях и с мобильником»), таков образ ее носителей, нарисованный З. Бауманом). Нет, у нас это люди, прямо или косвенно привязанные к тыся-

чам километров «политики труб». Я не идеализирую Запад: как только формирование Европейского союза завершилось, тысячи молодых людей, особенно из бывших республик СССР, ныне членов ЕС, устремились в Брюссель, столицу европейской бюрократии, потому что жаждали успеха и больших денег здесь и сейчас. Но если у них там не получалось, они рассыпались по множеству малых фирм всей Европы или стали создавать их сами.

Наконец, главное. Техно-бюрократическая модель модернизации усилит отток на Запад «продвинутой» российской молодежи, ориентированной на науку и технику, поскольку эта модель не сулит им здесь творческого будущего. Эта «продвинутая» молодежь со свойственным ей радикализмом рассуждает примерно так: «Или прорваться любыми силами туда, на Запад, или же прозябать вечно здесь на какой-нибудь стройке века или в виде офисного планктона». Этот отток идет из Сибири и Дальнего Востока, из малых городов и моногородов, что, в свою очередь, означает: интеллектуальный и гражданский потенциал страны понижается.

Теперь – о мобилизации. Тема не новая для прошедших 25 лет. М.С. Горбачёв призвал к «мобилизации человеческого фактора», но для чего и какими средствами он предполагал ее осуществить, не объяснил. Да и почему советский человек, который к тому времени, наконец, почувствовал себя человеком, должен был опять превратиться в какой-то «фактор»? Сегодня масса трудящегося люда, прежде всего быстро растущий сервис-класс, не хочет перемен (тем более не объясненных на привычном им языке телевизора), а хочет возврата к докризисным временам, когда можно было наращивать личное благосостояние и ни о чем не думать. Здесь большинство бедных отличается от богатых масштабом кредитных аппетитов: все хотят жить в кредит, не думая о будущем страны или пока непонятной модернизации. Значит, для ее осуществления потребуются мобилизация. И она естественна для общества, выстроенного в последнее десятилетие по «вертикальному принципу». Но опасаться здесь нечего, потому что масштабы этой мобилизации будут весьма незначительными, а продолжающийся кризис и безработица еще более облегчат эту задачу. Более того, масштабы мобилизации-для-модернизации будут сокращаться, потому что рабочая сила гастарбайтеров будет вытеснять коренное население. Те, кто уехать за рубеж не смог, должны расходовать социальный капитал не на модернизацию, а на борьбу с ее социальными и экологическими последствиями. История России XX в. подтверждает: «Последствия материального ущерба (причиненного нации) могут быть преодолены, последствия ущерба интеллектуального – никогда».

Но, допустим, источник нашего благополучия пошатнется: углеводородные ресурсы начнут быстро истощаться или их мировой рынок рухнет, а вместе с ним – и наше финансовое благополучие. Тогда мобилизация для развития высоких технологий все же потребуются. Но возможна ли она? Скорее нет, потому что за прошедшие десятилетия этика свободного, но упорного труда испарилась. А с ним «ушли» и потенциальные лидеры российской модернизации. Простой перенос «оттуда-сюда» новых технологий невозможен, для этого нужны другие кадры и иная научная и социальная среда. СМИ и Интернет воспитали совсем других людей, с другим мировоззрением. Их ученые называют «кнопочными детьми». Как пишет М. Шугуров, основная «призывная» лексема современной масскультуры: «оторваться» («оторвись»). Возникает новая структура «социокультурной памяти... как системы фильтрации того, что в первую очередь необходимо для поддержания воспроизводства жизнедеятельности на усредненно-функциональном уровне – уровне индивида, но не личности». СМИ порождают «условно-игровую мегасреду, в которой множество поступков, артефактов, мыслей “переизбыточно” и образует рыхлое, спорадическое, неустойчивое единство». В современной коммуникативной среде знак (симуляция) преобладает над реальностью, преобладает энтропийность, коллажная идентичность. Суть изменений в «самой невозможности устойчивого, ответственного, самоотождествленного субъекта в простран-

стве культуры, ...данная культура-прибежище комбинации и перекомбинации потоков существования десубъективированного человека в весьма свободном и необязательном ключе (можно так, можно иначе)... «Расхолаживание» преобладает над мобилизацией. Игра, подражание, усреднение – враги творческого процесса, личности и ее социального капитала.

Запад смог (не без потерь) развести труд и игру, высокую и массовую культуру, творческий поиск и подражание, создателей и потребителей. Неимоверными усилиями научной и творческой элиты к середине 1960-х годов СССР догнал, а кое в чем опередил Запад. Но это был прорыв в главной, с позиции баланса сил на планете, но узкой, с социальной точки зрения, социальной сфере. Советские руководители, ослепленные идеей мирового коммунизма, постепенно теряли самое ценное, что двигало этот процесс: фундаментальную науку и среду ее обитания. Они, охотно публично общаясь с «творческой интеллигенцией», заперли выдающихся ученых в секретных городах, тем самым закрыв канал их общения с миром и трансформации их выдающихся открытий в гражданскую продукцию и изделия ширпотреба. Именно эта узость «фронта прорыва» и жизнь государства и населения страны за счет продажи ресурсов сыграли критическую роль в нарастании разрыва между СССР и Западом. Власть предержавшие, все более мобилизуя фундаментальную науку на поддержание ядерного паритета и погружаясь в международные авантюры (война в Афганистане, «работа» военных советников в Африке и на Ближнем Востоке), постепенно утратили всякий интерес к развитию науки и высшей школы. А в нашем «вертикальном» государстве это означало посадить их на голодный паек. Открытие в середине 1970-х годов границы для бегства самых талантливых и «неудобных» довершило дело. Ирония нашей истории: если строительство гражданского общества в 1980-х годах с трудом, но происходило, и к рубежу 1990–1991 гг. мы по развитию общественного участия на местном уровне почти сравнялись с Европой, то технико-технологическая модернизация почти не двигалась. Как сказал один известный российский ученый, «мы проспали информационную революцию».

Противостояние государства и академического сообщества проходит красной нитью сквозь всю историю России. Из двух ресурсов власти – знание (умение) и насилие, обеспечивающих мощь государства, российская правящая элита всегда выбирала последнее. Насилие совершалось над природой, людьми, над наукой и самим эволюционным ходом истории. Прав был В.И. Вернадский, когда еще 100 лет назад писал: «Русская умственная культура в XIX и начале XX века может считаться созданием общественной самостоятельности. Государственная организация большею частью являлась враждебным ей элементом». Временами «столкновения между требованиями достойного человеческого существования и навыками русской бюрократии принимали трагический характер». Это было закономерно, так как, с одной стороны, научная мысль, порождая рефлексию и свободомыслие, всегда ослабляла авторитарную власть, а с другой – ей в погоне за сиюминутными амбициями всегда казалось проще и понятней в очередной раз мобилизовать нескончаемые, как представлялось ее идеологам, человеческие и природные ресурсы, нежели вкладывать средства в дорогостоящую и потенциально «подрывную» науку. Не случайно поэтому антиинновационным духом неприязни к отечественной науке был пропитан весь верхний слой российской бюрократии. Но если нет института науки, то в конечном счете неминуемо сгинет и суверенное государство, так как суверенитет разрушается параллельно с деградацией науки. Поэтому верно высказывание, что «отношение государства к науке есть наиболее точное выражение подлинных взглядов власти на будущее страны...».

А какова возможная модель? Совместимы ли модель «общества знаний» и «потребительского общества»? – На мой взгляд, совместимы, если технологическая новинка, уникальный продукт, основанный на фундаментальном научном знании, потом тиражируется, превращается в инструмент приобщения к знаниям и культуре. Если же мы только заимствуем технологии тиражирования или просто закупаем восточный ширпотреб в неимовер-

ных количествах и продаем свои невозобновимые ресурсы для удовлетворения растущих appetитов российского бизнеса, то это – социальный и экономический тупик. Есть элементарный индикатор этой совместимости: достаточно посмотреть, какая институция ближе всего к государственной власти. Очевидно, что это – не Академия наук, не «Общество знаний», уже давно ликвидированное, и не Союз ректоров России, а СМИ, навязывающие обществу все новые потребительские стандарты. По пять раз на дню радио «Эхо Москвы» информирует нас о достижениях высоких технологий за рубежом. А есть ли что-либо подобное в российских СМИ? Действительные знания у нас все более вытесняются визуальной информацией, игрой имиджей, что далеко не одно и то же. Стремление к тотальной визуализации окружающего мира наркотизирует человеческий разум, резко снижает его способность к интеллектуальному напряжению. И результаты налицо: сегодня в России только 1 % жителей считают престижной профессию ученого, большинство хочет «руководить или торговать».

Нам необходима социально-гуманитарная модель модернизации. Посмотрите на резкий рост в последние месяцы массового недовольства самых разных групп самыми разными проблемами. Их «общий знаменатель» легко вычисляется: насилие, помноженное на рейдерство, обман, несправедливый суд, жестокость правоохранительной системы и обращения с заключенными, безответственность чиновников, коррупция и т.д. Идеология свободной конкуренции и жизни в кредит здесь не подходят. Европейский союз едва не развалился, когда финансовый пузырь, который, казалось, можно надувать вечно, вдруг лопнул. Если мы хотим, чтобы Россия не превратилась в третьестепенную страну, растаскиваемую по кускам международными монополиями, то структурирование общества должно идти по человеческим интересам и связям, а не по степени его привязанности к «трубе». Государство до предела сузило коридор социальных возможностей рядового гражданина, теперь необходимо его расширять. Но есть и другая сторона нашей жизни: жестокость, причем все чаще немотивированная, в семье, школе, армии, местах заключения. Значит, гуманитарная составляющая этой модели должна быть направлена на «терапию» этой тяжелой болезни. Здесь недостаточно семейных или МЧСных психологов, но это не значит, что нет простых способов ее смягчения. Если бы рядовой участковый врач разговаривал с пациентом, а не только заполнял куда-то потом не идущие бумажки, уже стало бы немного легче. Если бы безработный верил, что на новом месте его действительно ждет жилье и обещанная чиновником зарплата, стало бы еще много легче. Наконец, наши «безбашенные» автомобилисты: 27 тыс. погибших и четверть миллиона покалеченных в автокатастрофах – при такой статистике никакая модернизация, кроме «отверточной», невозможна.

...Российское общество до сих пор двигалось в обратном (от модернизации) направлении. Этот процесс сопровождается выходом на поверхность социальной жизни структур феодально-бюрократического и криминального толка. Усилия правящей элиты, как это видно особенно сейчас в условиях кризиса, оказываются усилиями по стабилизации, сдерживанию, торможению процессов дезинтеграции общества за счет его де-модернизации, традиционализации, восстановления архаических социальных структур. Мною еще в конце 1990-х годов была предложена гипотеза, названная парадоксом «риск-симметрии» модернизации. «Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только ее продвижение вперед, к последующей (высокой) фазе, но и отход назад, т.е. демодернизация, и даже просто задержка, “стояние” на этом пути, чреваты интенсификацией производства рисков. Демодернизация столь же рискогенна, сколь и недостаточно от-refлексированный ее переход к следующей фазе. Это – фундаментальная закономерность развития техногенной цивилизации: чем более мир нашей жизни становится искусственным, рукотворным, тем более он нуждается в уходе, “профилактике”, поддержании ее в рабочем состоянии. Это утверждение в равной мере справедливо по отношению к земледе-

лию, индустрии, городскому хозяйству инфраструктурам жизнеобеспечения, военно-техническим системам и всему остальному». К сожалению, за прошедшие 12 лет эта гипотеза подтверждалась неоднократно.

Вполне естественно, что в потребительски ориентированном обществе, значительную часть которого составляет (в широком смысле) сервис-класс, модернизация «ушла» в сферу потребления. Наука была поставлена в ситуацию выживания, а сфера образования подчинилась далеко не лучшим стандартам тестирования и кодификации, а не развития изобретательности и самостоятельного мышления. Ситуация «Билл Гейтс в гараже делает первый компьютер» у нас сегодня невозможна.

Время не ждет. Если техно-бюрократическая модель модернизации России укоренится, если будут приняты государственные программы и под них будут выделены ресурсы, то реализация ее социально-гуманитарной модели будет отодвинута на неопределенное время.

«СоцИс (Социологические исследования)», М., 2010, № 7, с. 17–27.

ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Равиль Гайнутдин,

председатель Совета муфтиев России, кандидат философских наук

Вопросы безопасности, защищенности и спокойствия граждан являются приоритетными для современного цивилизованного государства. В нашей стране в последние годы властными структурами вместо советской идеологии выбрана вполне прагматичная идея первоочередной защиты национальных интересов. Способность государства и общества обеспечить собственную безопасность является важной составляющей их силы и зрелости. Очевидно, что российские мусульмане также имеют свои интересы, выразителями которых наряду с государством являются российские исламские организации. Так, согласно исламскому вероучению, защита интересов государства и забота о его безопасности являются благородным и богоугодным делом.

В последние годы в России появились доктринальные документы по проблемам безопасности, которых российское общество ранее не знало и которые носят открытый характер, обсуждаются гражданами, научным сообществом и общественными организациями. Имеются в виду Концепция национальной безопасности РФ, Военная доктрина РФ, Концепция внешней политики РФ, Доктрина информационной безопасности. Не могут остаться в стороне от этого процесса и исламские организации. Поэтому Совет муфтиев России в 2001 г. выработал и предложил обществу документ «Основные положения социальной программы российских мусульман».

Относительно позиции многочисленных общественных институтов по проблемам безопасности стоит заметить, что процесс формирования в России гражданского общества носит противоречивый и затяжной характер. Сложность заключается, в частности, в том, что пока в стране не сложились самостоятельные негосударственные структуры, способные взять на себя реализацию интересов различных социальных групп и отдельных граждан. Этим с разной степенью успешности продолжает заниматься государство. Принимая это как факт, исламские организации РФ стремятся к тому, чтобы помочь верующим гражданам найти свое место в быстро меняющемся мире и консолидироваться в условиях возникновения новых вызовов и опасностей. Думается, что особенно полезными в этом качестве могут быть контакты государства и отечественных исламских организаций в решении как социальных проблем, так и вопросов формирования духовности россиян.

Национальная безопасность понимается, прежде всего, как безопасность граждан, общества и государства. Этот подход активно утверждается и в науке, и в политической практике. В теоретическом ключе данное положение создает принципиальные возможности участия исламских организаций в обеспечении безопасности общества и личности, а при условии заинтересованности государства – и в работе по обеспечению безопасности самого государства. Полагаю, что можно согласиться с научным определением «национальной безопасности» как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз и опасностей, обеспечивающего их надежное существование, конкурентоспособность и прогрессивное развитие. В таком подходе к национальной безопасности можно выделить два главных направления ее обеспечения: защиту от угроз и опасностей и создание условий надежного существования и прогрессивного развития. Если первое направление является скорее прерогативой государства, то при реализации второго общественные и религиозные организации могут проявить свой потенциал в полной мере. В частности, в Концепции национальной безопасности РФ зафиксировано сле-

дующее: «Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в РФ».

Религия в РФ официально отделена от государства, т.е. от политики. Однако, как отмечает Н.В. Жданов, «...религиозный фактор в политической жизни стран зоны распространения ислама приобрел глобальный характер в силу своей широкой социальной базы, транснациональности, полицентризма, крупных финансовых возможностей... а также относительной устойчивости во внутренней и внешней политике значительного числа стран Азии и Африки». Но если ислам является глобальным фактором, то означает ли это, что он действует не только в мусульманских странах? Является ли исламский фактор для России социальным фактором или он еще остается и фактором политическим? Количество таких и подобных им вопросов множество.

В силу этого в мае-июне 2004 г. аналитическим отделом Совета муфтиев России был проведен экспертный опрос на тему «Исламский фактор – фактор политический?». Предлагаю лишь некоторые итоги экспертного опроса.

Таблица 1

Как бы вы определили сущность исламского фактора? (%)

Социально значимая деятельность различных мусульманских субъектов	48
Все, что имеет отношение к исламу	52
Религиозный фактор	0
Затруднились ответить	0

Как видно из таблицы, большинство опрошенных экспертов полагают, что исламский фактор – категория современной науки и практики, которая отражает отнюдь не религиозную деятельность исламских организаций и мусульман, а скорее все то, что имеет отношение к исламу, к социально значимой деятельности мусульманских организаций, иными словами, ислам не только религия, но, скорее, образ жизни. По всей видимости, можно утверждать, что исламский фактор является фактором социально-политическим. Но является ли исламский фактор политическим? В таблице ниже изложены мнения экспертов по этому поводу.

Таблица 2

Является ли исламский фактор только политическим фактором? (%)

Да, является	11
Нет, это социальный фактор	40,5
В ислама религиозная жизнь неотделима от политики	40,5
Затруднились ответить	8

Результаты экспертного опроса еще раз подтверждают, что исламский фактор является социально-политическим, касающимся всего российского общества и Российского государства в равной степени.

Для мусульман безопасность в первую очередь связана с формированием личности мусульманина. Образцовый мусульманин – это тот, кто является праведным и полезным чле-

ном своего общества, от него исходят благо и безопасность. Ему доверяются сердца, каждым своим поступком он стремится приносить благо своему обществу, благодаря чему у людей появляется надежда и среди них воцаряются спокойствие и стабильность. Ислам всегда был направлен на обеспечение безопасности верующих. В священном Коране содержатся многочисленные положения, ныне ставшие известными не только религиозным деятелям, но и широкому кругу ученых и специалистов. Например: 1) войны не должны носить агрессивного характера; 2) нужно проявлять милосердие и в условиях войны; 3) справедливость – это основа мира, и др. Изначально отношение мусульман к представителям других религий определялось не субъективными чувствами человека, а волей Всевышнего Аллаха, защищающего всех своих рабов от принуждения в вопросах веры. Поэтому Пророк Мухаммад сказал: «Поистине, тому, кто обидит живущего на мусульманской территории (немусульманина), или ущемит его права, или возложит на него то, что ему не по силам, или заберет у него что-нибудь против его воли, тому я стану противником в День воскресения!»

Приведенные слова можно рассматривать как фундаментальное положение, обеспечивающее один из важнейших компонентов национальной безопасности, а именно – в сфере свободы совести и вероисповедания. Священный Коран требует от всех мусульман отвергать зло, «пресекать его добром» в тех случаях, когда добро может пресечь зло: «И те, которые упорны в желании угодить Господу, и простаивали молитву, и давали из того, чем наделили Мы их, и тайно и явно, и отгоняли зло добром. Для этих – воздаяние (счастливое) жилище».

Побуждение людей к поступкам, одобряемым шариатом, и удержание их от порицаемого им поведения угодны Аллаху. Вот почему мусульмане обращаются к помощи разума и мудрости, чтобы должным образом ответить на призыв Всевышнего. Поступая так, они действуют в соответствии с указаниями посланника Аллаха, который сказал: «Пусть тот из вас, кто увидит нечто порицаемое, изменит это собственноручно, если не сможет, пусть сделает это своим языком, а если не сможет и этого, то сердцем своим, что станет самым слабым проявлением веры» (Муслим). Указания Пророка побуждали мусульман смело противостоять всему ложному, внушая смельчакам, что проявление ими героизма в противостоянии несправедливому никак не уменьшит их удела и не сократит отпущенного им срока. Мусульманин обязан защищать себя и своих родственников (малую семью), а также свое Отечество (большую семью) в случае покушения извне, в том числе и на имущество своих близких. Верующий во всемогущего Бога не боится смерти в бою за Родину, за жизнь и здоровье своих близких: если он погибнет, защищая себя, родственников и Отечество, он станет шахидом – праведником, погибшим за веру, удостоенным вечного рая. Этим ислам утверждает гармонию национального и интернационального, просвещенного патриотизма и прагматизма.

Однако, несмотря на огромный гуманистический потенциал ислама, его возможности используются в России пока недостаточно. Мы часто становимся свидетелями обсуждения в самых широких кругах проблемы, есть ли «исламская угроза». Считаю, что ни для Российской Федерации, ни для ее многонационального и многоконфессионального народа такой угрозы не было, нет и быть не может. Проблемы порождаются совсем другими обстоятельствами: сложностями переходного периода, который сейчас переживает наша страна; кризисными явлениями в российской экономике; отсутствием истинных знаний об исламе; деятельностью ряда СМИ, продолжающих «штамповать» несправедливое представление об этой мировой религии и пытающихся связать с ней вооруженные конфликты в России и на постсоветском пространстве; организационной, кадровой, материально-технической слабостью российских духовных управлений мусульман.

Могут ли российские исламские организации, российские мусульмане угрожать РФ, будучи частью российского общества, издавна проживая на ее территории?! Как можно серьезно об этом говорить, когда в дни тяжелых для Родины испытаний большинство рос-

сийских мусульман вставали на ее защиту?! Так было и в Отечественную войну 1812 г., и в Первую мировую войну, и во время Великой Отечественной войны. Как можно так ставить вопрос, когда российские мусульмане выступали и последовательно выступают против агрессии, когда ислам возводит в ранг религиозной обязанности для всех мусульман ведение оборонительной войны в целях защиты Родины?!

Россия – страна многонациональная, представители мусульманских народов, наряду с приверженцами других конфессий, на протяжении веков традиционно несли службу в Русской армии. По желанию мусульман создавались отдельные боевые подразделения. Так, в XVIII в. на польской границе несли службу татары, в 1784 г. из коренных жителей Крымского полуострова были сформированы таврические дивизионы конного войска. В мае 1807 г. на их основе созданы четыре конных татарских полка, а два из них приняли участие в Отечественной войне против Наполеона. По окончании войны полки были распущены, но сформированный на их базе в 1828–1829 гг. Крымско-татарский эскадрон вновь участвовал в боевых действиях на стороне России при осаде болгарской крепости Варна. Воины эскадрона принимали участие в сражениях во время Крымской кампании 1854–1855 гг. Во время Русско-турецкой войны 1877–1888 гг. эскадрон нес службу по охране крымского побережья. Одновременно до шести дивизионов крымских татар участвовали в сражениях против турок при Плевне, Ловче, Горном Дубняке. В дальнейшем из них был создан полк, получивший в 1907 г. название Крымского конного, верно служившего царю и Отечеству, как того требовала военная присяга.

Кроме татар на службе в царской армии были мусульмане Северного Кавказа. В 1842 г. при командующем Северным и Нагорным Дагестаном были сформированы иррегулярные части дагестанских всадников (около 200 человек).

Во время Первой мировой войны царское правительство отправило на фронт из разных уголков Российской империи тысячи солдат всех национальностей и вероисповеданий. Мусульмане считали священным долгом свое присутствие на полях сражений, добровольцами на фронт из мусульманских регионов страны уходили даже дети. Такие случаи не были единичными. История показывает, что мусульмане, приняв российское подданство, верой и правдой служили «царю и Отечеству». История Великой Отечественной войны являет нам множество примеров героизма и мужества мусульман, защищавших нашу страну от фашистских захватчиков.

Сегодня же для нас важнее понять, осознают ли российские мусульмане свои интересы и как реализацию этих интересов направить на благо нашей страны. Как и большинство российских граждан, мусульмане стремятся к физическому, духовному и интеллектуальному развитию, установлению в стране прочной стабильности. При этом российские мусульмане хотят участвовать в делах мусульман всего мира, чувствуя себя сопричастными процессам, имеющим место в мировой умме, стремясь к консолидации российских организаций, обеспечению адекватного представительства мусульман во властных структурах государства в местах их компактного проживания. Уверен, что абсолютное большинство российских мусульман хотят спокойно и достойно жить в родном государстве, иметь гарантированную возможность ходить в тот храм, в который они желают ходить, иметь право говорить и читать на родном языке, соблюдать обычаи своих предков. Они не хотят чувствовать себя чужими в государстве, гражданами которого являются. В Концепции национальной безопасности РФ отмечается, что «национальные интересы в духовной сфере состоят в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны». Это весьма актуально для мусульман и российских исламских организаций. В указанных интересах нет абсолютно ничего нового или неизвестного. Нет в них и ничего вызывающего или опасного для государственных органов. Об этом говорят цифры, которые получены из Министерства юстиции России:

в 2004 г. более 4300 российских исламских объединений зарегистрированы установленным порядком.

Согласно Концепции национальной безопасности РФ, «национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции РФ и законодательства РФ общественными организациями». Наличие интересов у российских мусульман тем не менее заставляет поставить и еще один вопрос: есть ли у российских исламских организаций собственная стратегия участия в укреплении безопасности в России и на постсоветском пространстве? Пока мы находимся на путях ее выработки, но в том, что она нужна, у нас нет сомнений. Сегодня уже можно выделить несколько принципиально важных положений и направлений деятельности в целях укрепления безопасности стран и спокойствия граждан.

Во-первых, есть виды безопасности, которые политические институты государства не в состоянии, как показывает наш отечественный опыт, обеспечить без участия общества. Я имею в виду социальную, экологическую, национально-культурную (или духовную) безопасность. По любым самым сложным и злободневным общественно-политическим проблемам, в том числе и в правовой сфере, мы плодотворно сотрудничаем с различными общественными объединениями и религиозными организациями, с государственными институтами. С другими религиями мы активно и успешно ведем диалог в рамках Межрелигиозного совета, при этом всегда руководствуемся положениями священного Корана. Одно из них гласит: «Воистину Аллах не изменит положения людей, пока они не изменятся внутри себя». По исламу, человек ответствен перед Творцом за свою земную жизнь, поэтому не имеет права не трудиться, зависеть материально от других. Все тексты Корана и Сунны проникнуты заботой о сиротах, стариках и бедняках. В этих источниках много положений, руководство которыми может стать основой здорового образа жизни, послужит созданию физически и морально здоровой семьи, препятствием для разводов.

Во-вторых, российские исламские организации могут очень многое сделать в вопросах духовного, нравственного и патриотического воспитания российских граждан, особенно молодого поколения. Вне всякого сомнения, религия продолжает оставаться основой нравственности. Поэтому мы ведем активную работу по воспитанию наших детей в духе исламского вероучения. Закон разрешает факультативно обучать детей религии в школах, медресе, и в этом вопросе нужно больше проявлять инициативу и чаще опираться на государственную поддержку. Мы обязаны принимать и принимаем активное участие (конечно, в рамках действующего законодательства) в социальных, образовательных, благотворительных и гуманитарных программах ведущих традиционных конфессий страны, и считаем, что государство нуждается в разработке концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения. Ныне и Администрация Президента РФ, и Правительство России заинтересованно обращаются к религиозным организациям и ждут от нас помощи в выработке такой концепции, поскольку религиозные организации имеют право формулировать ее религиозное обоснование. Также Совет муфтиев России принимал активное участие в подготовке великого праздника в жизни нашего народа – праздника Победы.

В-третьих, существует большое количество проблем, так или иначе связанных с обеспечением государственной и военной безопасности в целом (прежде всего, в борьбе с терроризмом и экстремизмом), которые Российскому государству выгодно решать совместно с отечественными религиозными организациями. Российские исламские лидеры всегда поддерживали усилия государства по наведению порядка в стране, проведению реформ, то есть действия, направленные на реализацию интересов российских граждан. Нельзя не упомянуть о позиции, занятой СМР по вопросам «ваххабизма», о заявлении, сделанном после варварских террористических актов, совершенных в Москве и Буйнакске. Представляется, что роль такой авторитетной организации, как Совет муфтиев России, будет расти, и мы готовы

плодотворно сотрудничать с Советом безопасности России, военно-силовыми структурами в целях активизации совместных усилий в борьбе с экстремизмом и терроризмом, возрождения и наполнения новым содержанием патриотического воспитания граждан страны, воинского воспитания российских военнослужащих.

Ислам рассматривает участие в защите Родины как патриотическую обязанность мусульманина, который не может отказаться от службы в армии по религиозным мотивам, поэтому российские исламские организации совместно с государственными и военными органами могут готовить молодежь к службе в рядах Вооруженных сил России. Теоретическим основанием такой совместной подготовки являются для российских исламских организаций слова Пророка Мухаммада: «Любовь к Родине – часть твоей веры». Реальность нашей жизни состоит в том, что при сохранении принципа всеобщей воинской обязанности в армейском строю находятся многие молодые мусульмане, нуждающиеся как в духовном окормлении, так и в воспитании их как защитников Родины, не слепо отбывающих тяжелую воинскую повинность, а достойно, с пониманием выполняющих свой воинский, гражданский и патриотический долг. Мы не считаем необходимым поднимать вопрос о военных священниках, однако понимаем, что воспитательная работа в армии нуждается в существенном изменении и новом духовном наполнении. Российским имамам и муфтиям всегда найдется что сказать солдату и офицеру, а также солдатским матерям и вдовам.

В работе силовых структур с религиозными организациями, как представляется, важно не нарушать принципа равноудаленности государства от всех конфессий. Отечественные исламские организации стремятся заключить договоры о сотрудничестве между Советом муфтиев России и военно-силовыми структурами (с Сухопутными войсками РФ у нас действует соглашение о сотрудничестве). Органы государственной власти должны более чутко относиться к религиозному фактору и никоим образом не подчеркивать свою приверженность той или иной религии. Отечественные исламские организации сегодня имеют и необходимое количество священнослужителей, и опыт работы с военными, и научные разработки, чтобы самим окормлять мусульман в воинских коллективах.

Правовое равенство верующих военнослужащих независимо от их конфессиональной принадлежности заключается не столько в механическом достижении принципа равнопривлеченности священнослужителей к различным мероприятиям, сколько в практическом обеспечении реальных возможностей удовлетворения религиозных потребностей верующих военнослужащих. Хотят того командиры и армейские воспитатели или нет, но они должны знать и учитывать, что правоверный мусульманин обязан совершать намаз в течение дня пять раз в определенное время; что мусульманину запрещено употреблять в пищу свинину, а во время поста (уразы) принимать всякую пищу в светлое время суток. Хотя очевидно, что нынешний армейский распорядок не может предоставлять в полной мере мусульманам такой возможности, и это ограничивает их права. Многие конфессии, в том числе и ислам, применительно к подобным экстремальным ситуациям имеют систему смягчения требований к своим последователям. Поэтому вопрос состоит в том, чтобы сами верующие военнослужащие сочли для себя возможным воспользоваться таким положением. Помочь им в этом могли бы наряду с информированными командирами и воспитателями их духовные наставники.

В-четвертых, мы поддерживаем отношения с международными исламскими организациями, деятельность которых признана во всем мире и не противоречит международным нормам и отечественному законодательству. Цели этих организаций, как правило, прозрачны и направлены на предоставление информации о жизни мусульман всего мира, на оказание помощи в гуманитарных областях. Пусть не все у этих организаций получается так, как хотелось бы, но для нас они делают много важного и полезного, переводя на русский язык книги, являющиеся сокровищницей мировой мусульманской мысли, помогая в становлении

исламских учебных заведений, подготовке высокообразованных имамов. Разумеется, если будут получены проверенные сведения о том, что какие-либо зарубежные организации занимаются противозаконной деятельностью, мы не будем контактировать с такими организациями.

В заключение еще раз подчеркну, что российская умма категорически осуждает террор и экстремизм, поддерживала и будет поддерживать усилия российских властей по пресечению варварских террористических актов против гражданского населения и укреплению стабильности не только в России, но и на всем евразийском пространстве.

«Края дуги нестабильности: Балканы – Центральная Азия», М., 2009, с. 165–174.

ЗАРУБЕЖНЫЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ДЕЙСТВУЮЩИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

*А. Иванов, Н. Кирюшина, А. Рудаков, С. Устинкин,
политологи*

На территории Российской Федерации в настоящее время активно действует целый ряд НРПО, ставящих перед собой различные цели и задачи. Представленный спектр их варьируется от так называемых «ваххабитских» джамаатов до религиозно-политических партий типа «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и экстремистских сект типа «Нурджулар» и «Сулейман-джи».

Большую активность в России стала проявлять турецкая религиозно-политическая секта «Нурджулар», деятельность которой ориентируется на литературное творчество турецкого автора Бадиуззамана Сайда Нурси (1876–1960), которое пришлось на время реформ Кемалья-паши Ататюрка. Этот период характеризовался поражением Турции, союзницы Германии, в Первой мировой войне, следствием чего стал неконтролируемый распад Османской империи. В этих условиях Ататюрк взял курс на модернизацию Турции, при этом в основе его реформ оказались процессы деисламизации традиционного турецкого общества. Светский характер модернизационных реформ предполагал безусловное отделение религии от государства, что стало причиной жестких гонений на ислам. Следует подчеркнуть, что подавляющая часть населения Турции исповедовала и исповедует суннитский ислам ханифитского толка в форме целого ряда суфийских орденов-тарикатов. В результате реформ Кемалья-паши были разгромлены суфийские братства, многие их адепты вынуждены были покинуть территорию Турции, количество исламских учебных заведений, мечетей и т.д. было резко сокращено, нормы шариата были исключены из судопроизводства.

На фоне упадка и деградации традиционного турецкого ислама и наблюдается деятельность Б. Сайда Нурси, который написал целый ряд произведений религиозного характера, призванных восстановить уважительное отношение к традиционному исламу в турецком обществе. Некоторые исследователи литературного творчества Нурси объявляют его фундаменталистом, что, по-видимому, не соответствует действительности, поскольку в своих произведениях Нурси позитивно отзывается об основателях целого ряда суфийских тарикатов, последователи которых имеются в Турции. Фундаменталисты же выводят суфизм за рамки истинного ислама, считая суфизм «греховным нововведением» (бид'а), далеким от «чистого» ислама. Иными словами, Нурси отстаивает в своих произведениях ценности не фундаментального, а традиционного турецкого ислама.

Как отмечают многие другие эксперты, в книгах Б. Сайда Нурси отсутствует информация, способная возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам отношения к религии, национальным и другим признакам. Как представляется, можно согласиться с авторами вышеуказанной экспертизы в том, что публикация произведений Б. Сайда Нурси «в современной России во избежание возможного неадекватного понимания желательна при наличии классических комментариев, возможно, в виде предисловия, которые могли бы вводить читателя в реалии определенного исторического периода».

В настоящее время лидером секты является Фетуллах Гюлен Хаджи-Эфенди, обладающий серьезным политическим влиянием в Турции и контактирующий с первыми лицами государства. Он также имеет контроль над рядом СМИ Турции, при помощи которых про-

водит политику пропаганды идей исламского фундаментализма и турецкого пантюркизма. Деятельность секты носит конспиративный характер, прием новых членов из числа иностранцев осуществляется после тщательной проверки их на лояльность. Каждого вновь принятого инструктируют о необходимости сохранения в тайне факта своей принадлежности к «Нурджулар», в структуре которой имеется служба безопасности с банком данных на членов движения, занимающаяся, в частности, выявлением агентуры национальных спецслужб и правоохранительных органов. Организация имеет свои газеты, телевидение, холдинги, ее основные сферы деятельности – печать и образование. Денежные средства поступают за счет пожертвований и функционирования принадлежащих секте фирм, банков и холдингов. Кроме того, у лидера секты Ф. Полена имеется возможность осуществлять ее легальное финансирование через турецкие промышленно-финансовые корпорации (холдинги *Ihias*, *Asya finans kurumu*, *Isik sigorta*), а также фонд *Ihias*, располагающие обширной сетью своих представительств по всей Европе и в Турции.

События в Чечне и Дагестане, а особенно террористические акты исламских экстремистов, совершенные 11 сентября 2001 г. в США, подтолкнули турецкие власти к действиям, направленным на ограничение деятельности «Нурджулар» внутри государства. Дело в том, что братство, исповедуя не только пантюркистскую, но и исламистскую идеологию, тесно связано с террористической организацией «Бозкурт» («Серые волки»), разделяет ее программные установки, финансово поддерживает ее деятельность. Вместе с тем спецслужбы Турции предприняли ряд шагов для расширения сферы деятельности секты вне страны, рассматривая это как один из способов усиления политических и экономических позиций Турции в странах Закавказья, российском Северо-Кавказском регионе и некоторых центрально-азиатских государствах СНГ. При этом особое значение придается пропаганде исламских идей путем открытия учебных заведений. Всего развернуто более 200 учебных центров, где эмиссарами секты осуществляется пропаганда исламского экстремизма и пантюркизма. Одновременно «Нурджулар» реализуется программа подготовки кадров российского мусульманского духовенства в теологических учебных заведениях Турции, где осуществляются их идеологическая обработка, изучение личных и деловых качеств, приобщение к идеям исламского экстремизма, национал-сепаратизма, подготовка к осуществлению подрывной деятельности после возвращения в РФ.

Предпочтение отдается перспективной молодежи с расчетом на ее кадровый потенциал, возможное выдвижение на ключевые посты в экономике, науке, управленческих структурах России. При обучении за пределами Российской Федерации члены «Нурджулар» предлагают студентам крупную материальную и финансовую помощь в обмен на членство в секте, участие в ее деятельности.

С начала 90-х годов миссионерами «Нурджулар» проводится программа открытия учебных заведений (в том числе общеобразовательных) и на территории Российской Федерации. Так, в период с 1993 по 1999 г. сектой были открыты лицеи в Астрахани, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Татарстане, Башкирии, Якутии и Республике Тува. Кроме этого, в средствах массовой информации появлялись сведения о деятельности миссионеров «Нурджулар» в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Волгоградской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях.

Другой организацией, проводящей активную работу в мусульманской умме России по вовлечению новых членов, занимающейся также прозелитической деятельностью, является международная террористическая организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (араб. – Исламская партия освобождения, далее «ХТ») – суннитская религиозно-политическая организация, созданная в 1952 г. в г. Куддусе судьей шариатского апелляционного суда Такиудином ан-Набхани (1909–1977/79). После его смерти лидером партии стал палестинец Абдул

Кадим Заллум (1925 г. р.), руководивший партией до 2003 г., а нынешним руководителем партии является Ата Абу Рашт.

После 1967 г. «ХТ» фактически прекратила свое существование, посчитав невозможным проведение исламской революции в условиях израильской оккупации. Спустя 10 лет после смерти единоличного лидера «ХТ» и более 20 лет после прекращения деятельности партии, в период первой палестинской интифады, был зафиксирован случай появления на оккупированных территориях листовок от имени «ХТ», которые, как было установлено, печатались за пределами Палестины.

В середине 90-х годов организация под тем же названием заявила о себе в Центральной Азии, причем сразу в виде мощного международного объединения исламистов. По своей организационной структуре «ХТ» не характерна для Центрально-Азиатского региона и создана без учета местных традиций по образцу структуры организации «Братья-мусульмане» 50-х годов XX в. в Египте. При этом из программных и организационных документов египетских «Братьев-мусульман» был удален ряд важных, с точки зрения египетских исламистов, направлений деятельности (работа в профсоюзах, спортивных организациях).

В отличие от других центральноазиатских исламских экстремистских организаций (Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Таджикская исламская оппозиция), возникновение которых было обусловлено комплексом местных этнополитических и социально-экономических причин, появление «ХТ» лишь отчасти соответствовало политическим запросам и экономическим устремлениям отдельных слоев населения Центральной Азии. Эксперты отмечают, что естественных предпосылок для возникновения «ХТ» в этом регионе не существовало. На тот период в государствах Центральной Азии радикальная исламская «ниша» была уже занята, но «ХТ» сумела без особых трудностей «договориться» с другими исламистами о разделе сфер влияния в регионе.

Кроме того, в отличие от ИДУ, социальной базой которого являются в основном маргинальные и беднейшие слои сельского населения, наиболее пострадавшие от экономических реформ, проведенных по рекомендациям Мирового банка и Международного валютного фонда (МБ и МВФ), пропаганда «ХТ» ориентирована, в том числе, на образованных жителей города, не удовлетворенных ходом и темпами социально-экономической трансформации.

В то время как в основе деятельности ИДУ лежат главным образом методы локальной вооруженной борьбы в традициях Центральной Азии (по типу басмаческого бандитско-повстанческого движения 20–30-х годов XX в.), «ХТ» использует преимущественно «интеллектуальные» и «высокотехнологичные» формы организационной и пропагандистской работы, направленные прежде всего на создание эффективно управляемой трансграничной сети своих структур («ячеек») в различных регионах.

Эксперты отмечают, что для «ХТ» характерна жесткая установка на завоевание политической власти путем распространения своего влияния по всему миру. В отличие от обычных исламских экстремистских организаций, «ХТ» последовательно создает свои структуры даже в традиционно немусульманских районах, вербуя представителей этнических немусульман. Формы и методы вовлечения новых членов активистами «ХТ» не типичны для исламских экстремистов и напоминают приобретение неофитов современными западными тоталитарными сектами типа «Свидетелей Иеговы» и сайентологов. В ходе вербовки «тахрировцы» делают акцент не только на борьбу за торжество ислама во всем мире, но и на будущую принадлежность человека к влиятельной международной структуре, способной обеспечить его будущее. В отличие от форм агитации и пропаганды, принятых в деятельности всех исламских экстремистских организаций (фетвы религиозных авторитетов, проповеди в мечетях, аудио- и видеоматериалы, книги С. Кутба, Аль-Маудуди, Бен База – признанных основоположников исламского экстремизма, а также современных авторитетных религиозных радикалов), «ХТ» на первом этапе своей деятельности в Центральной Азии

приступила к распространению серии книг «Исламский порядок», написанных в середине 50-х годов XX в. для жителей Палестины малоавторитетным в исламской среде и давно забытым шейхом Такиуддином ан-Набхани. В отличие от обычных исламских экстремистских группировок, у истоков создания которых всегда стоит признанный духовный и организационный лидер, который имеет, в том числе, и криминальный авторитет, «ХТ» не имеет авторитетного руководителя и управляется, вероятно, группой лиц.

Следует отметить беспрецедентно высокий уровень квалификации менеджмента «ХТ», достигаемый, в том числе, благодаря тому, что партия с самого начала своей деятельности активно использовала Интернет в целях мобилизации своих сторонников по всему миру. Анализ содержания информационно-пропагандистских материалов, распространяемых «ХТ» в странах Центральной Азии, показывает, что они не в полной мере соответствуют менталитету местных жителей, их национально-психологическим особенностям и системе ценностных ориентаций. В подготовке этих материалов могли принимать участие европейские или американские специалисты. Отмечено, что пропагандистская деятельность «ХТ» осуществляется по принципам и законам современных политических технологий.

В отличие от источников финансирования местных группировок исламистов в Центральной Азии, основу которого составляют преимущественно наркобизнес, рэкет, торговля людьми, контрабанда оружия, кражи скота, незаконная приватизация, «ХТ» с момента своего появления в этом регионе располагала практически неограниченными финансовыми ресурсами из неустановленных источников. Дислокация основных штаб-квартир «ХТ» точно не определена, предположительно – Палестина, Иордания, Великобритания, откуда идут основные потоки финансирования. Членство в «ХТ» строго засекречено. Численность организации не установлена, в Центрально-Азиатском регионе, по некоторым оценкам, сосредоточено до 20 тыс. членов «ХТ». Региональные центры организации находятся в Великобритании (Лондон), Германии (Франкфурт-на-Майне), Турции (Стамбул), Индии (Лакнау), Саудовской Аравии (Джидда), Палестине (Новый Иерусалим), Малайзии (Куала-Лумпур). Наиболее активные ячейки партии действуют на территории Афганистана, Алжира, Египта, Иордании, Ирана, Ирака, Йемена, Кувейта, Пакистана, Судана, Туниса, КНР, в странах СНГ Центрально-Азиатского региона. Партия издает журнал – «Аль-Вай» (араб. – «Сознание»), который печатается в Иордании. О размахе деятельности этой организации свидетельствует факт, что на ежегодном конгрессе, состоявшемся в Лондоне 24 августа 1996 г., присутствовало около 1 тыс. делегатов из разных стран мира. В ряде государств Европы, Ближнего Востока и СНГ «ХТ» запрещена законом.

Решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. «ХТ» признана террористической организацией и запрещена в нашей стране. В России организация официально не регистрировалась, а была представлена эмиссарами и многочисленными законспирированными ячейками и сторонниками.

Для достижения поставленных целей лидерами «ХТ» реализуется поэтапный план, предусматривающий постепенное создание ячеек организации в различных слоях общества предварительно выбранной страны, их последующее усиление и переход к открытому отстаиванию своих интересов, а на завершающей стадии – силовой захват власти, имеющий конечной целью провозглашение халифата и экспансию в соседние государства. Вся власть в таком государстве должна принадлежать религиозным деятелям ислама и подчиняться законам шариата. Одним из основных направлений деятельности данной организации является создание разветвленной инфраструктуры (конспиративные квартиры, подпольные типографии, склады средств материально-технического и иного обеспечения), приобретение сторонников из числа работников СМИ, студенческой молодежи, влиятельных и авторитетных мусульманских духовных лидеров, опытных юристов (особенно из правозащитных организаций), с тем чтобы подготовить в перспективе легализацию «ХТ».

На сегодняшний день наблюдается устойчивая тенденция количественного и качественного укрепления состава членов «ХТ». Если в начале своей деятельности члены «ХТ» набирали в свои ряды любых желающих, в основном не занятую и безграмотную молодежь, то в настоящее время основной упор делается на привлечение в ряды организации образованных и подготовленных молодых людей. Ими активно проводится вербовочная работа среди подследственных, находящихся в местах лишения свободы, с постепенным оказанием на них идеологического (религиозного) воздействия. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что члены «ХТ» активизировали работу среди студентов вузов, учащихся средне-специальных и средних учебных заведений.

В тактическом плане «ХТ» действует весьма гибко и осторожно. В публичных выступлениях представители организации осуждают насилие как средство достижения политических целей. В материалах, распространяемых британским филиалом «ХТ» в расчете на общественное мнение Запада, утверждается, что партия стремится к созданию халифата лишь в исламских странах, а ее активность в других регионах, например в Европе и России, ограничивается разъяснениями особенностей исламского образа жизни. Серьезную роль в вербовочной деятельности партии играет привлечение в ее ряды представителей интеллигенции, пользующихся авторитетом, имеющих влияние на общественное мнение и способных усовершенствовать пропагандистскую и агитационную работу «ХТ». Существенную роль играет и стремление данной партии к вербовке представителей политической элиты, способных повлиять на ситуацию в русле, выгодном для ее деятельности. Необходимо также отметить, что неотъемлемой частью деятельности «ХТ» является вербовка сторонников силовых структур: планируется использовать их для свержения правящих режимов в современных мусульманских странах и в дальнейшем для уничтожения Государства Израиль и расширения территории халифата силовым путем.

Такой механизм приобретения сторонников и взаимодействия с ними отличается дешевизной и эффективностью, так как позволяет при умелой пропаганде охватывать широкие слои общественности даже в условиях недостатка активных членов партии. Целый ряд документов свидетельствует о стремлении партии «ХТ» внести раскол в общество. Это имеет отношение главным образом к обществам мусульманских стран или же тех стран, где существует значительная по численности и общественному влиянию мусульманская община (например, в России). Идеологи «ХТ» заявляют, что мусульмане должны стремиться к свержению существующих в их странах «неверных» режимов и восстановлению «исламского правления». Подобными призывами, которые распространяются в различных государствах, и вносится раскол в общество. Мусульмане оказываются дезориентированными в своей политической и социальной позиции: поддерживать ли им правящий в их стране режим или же воевать против режима во имя создания халифата?

Значительная часть пропагандистских материалов направлена на возбуждение ненависти и вражды, на унижение человека, народа, страны, группы стран по признакам национальности и религии. Евреи объявляются «ХТ» порочным и лживым народом, более всех ненавидящим мусульман. Государство Израиль должно быть уничтожено, поскольку расположено на территории Палестины, объявленной партией исламской землей. США и Великобритания, а также народы этих стран обвиняются в куфре, т.е. неверии и враждебном отношении к исламу и мусульманам. Русский народ оскорбляется как народ, уничтожающий мусульман в Чечне. В.В. Путин также попал в список лиц, которых «ХТ» считает врагами ислама. Мусульмане всех стран призываются к джихаду – священной войне против христиан и иудеев. Основанием джихада называются чрезмерное влияние стран Запада на исламский мир и антимусульманская политика, проводимая США и их союзниками.

Также большая часть программных и пропагандистских документов «ХТ» содержит положения, побуждающие мусульман к насилию и физическому уничтожению людей в

открытой или завуалированной форме. Применение насилия как средства политической борьбы вытекает из самой партийной доктрины, т.е. является одним из основных инструментов построения халифата, так как создание данного государственного образования подразумевает пересмотр международно признанных и относительно стабильных границ современных государств, что может быть осуществлено только насильственным (военным) путем. Кроме того, в состав халифата, в соответствии со взглядами партии, должны войти некоторые территории, отвоеванные христианами у мусульман еще в XIV–XV вв., в частности значительная часть современной Испании (Андалусия), что также невозможно без широкомасштабного применения насилия.

Насильственный характер взглядов партии на распространение ислама находит свое выражение в концепции джихада, содержащейся в целом ряде документов «ХТ». В большинстве документов джихад рассматривается как система насильственных действий, в том числе военных, направленных против сторонников других религиозных учений, государств, считающихся «врагами ислама» (Израиль, США, Великобритания, Россия), и их граждан, а также против современных лидеров мусульманских стран, не признающих «правоту» взглядов данной партии и настроенных на диалог со странами Запада и Россией. Многие документы «ХТ» содержат неоднократные призывы к армиям и другим силовым структурам мусульманских государств, имеющие своей целью побудить их к насильственному свержению режима в той или иной стране, уничтожению ее лидеров, что также подтверждает вывод о существенной роли насильственных действий в политических планах партии. Необходимо отметить, что некоторые категории людей, в соответствии со взглядами идеологов данной партии, должны подвергаться не просто насилию, а физическому уничтожению (в частности, евреи – граждане Государства Израиль).

«Хизб ут-Тахрир» обладает собственным стандартным и легко узнаваемым стилем изложения своих взглядов и призывов, отличающимся простотой, доходчивостью, эмоциональностью и неоднократным повторением основной мысли документа, что также позволяет делать вывод о принадлежности тех или иных документов к комплексу этой партии. Необходимо также отметить, что для целого ряда документов «ХТ» (статьи из журнала «Сознание», прокламации, инструкции и т.д.) характерна стандартная манера внешнего оформления, по которой они могут быть определены как документы данной организации.

В материалах встречается упоминание других исламских партий. Однако «ХТ» выделяет себя среди этих партий тем, что стремится к объединению всех мусульман и к созданию халифата. Деятельность же других партий критикуется за ограниченность, как считает «ХТ», своих политических требований и социальных устремлений. В ряде документов содержатся призывы к неподчинению законам существующих государств, в том числе и законам Российской Федерации, в силу того, что мусульмане не должны подчиняться никаким другим нормам, кроме «приказов Аллаха». Кроме того, в некоторых документах присутствуют призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, направленные на «ликвидацию кремлевской власти» над Татарстаном и Кавказом и оспаривание легитимности власти России над «оккупированной» Чечней.

Угроза конституционному строю и суверенитету Российской Федерации заключается в попытках «ХТ» обострить ситуацию на Северном Кавказе и возбудить сепаратистские настроения внутри северокавказских этнонациональных групп. Одной из линий работы «ХТ» является деятельность, направленная на подрыв авторитета и доверия к российской власти и включение части территорий России в исламский халифат. Террористическая деятельность «ХТ» имеет второстепенное значение и рассматривается лидерами и активистами партии как «вспомогательная» мера в случае невозможности достижения поставленных целей политическими методами.

Другие зарубежные экстремистские организации на территории Российской Федерации проявляют себя слабо. Их роль сводится скорее к поддержке тех экстремистских групп на территории РФ, которые уже смогли приобрести сколь-нибудь значимые позиции в местном социуме, в том числе и в молодежной среде.

Таким образом, исламский экстремизм представляет собой реальную угрозу для Российской Федерации. Молодежная среда России вызывает глубокую заинтересованность у экстремистских структур, что вынуждает искать пути противодействия экстремизму не только правоохранительные органы, но и все российское общество. Только совместными усилиями можно значительно снизить степень угрозы и блокировать ее негативные результаты.

«Исламская молодежь в современном мире», Н. Новгород, 2009 г., с. 46–55.

КУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ

*А. Салагаев, С. Сергеев, Л. Лучиева,
публицисты*

Социокультурное пространство Республики Татарстан исторически складывалось из православно-русской и тюрко-мусульманских культур, что отразилось на формировании менталитета, традиций правовой и политической культуры, языков, литературы, искусства проживающих здесь народов. Руководство Республики Татарстан официально проводит политику мультикультурализма, всячески подчеркивая полиэтничный состав населения республики и уважение этнокультурных нужд и запросов населения. Эта политика на российском и мировом уровне подается в качестве образца успешного развития этнических культур и их мирного взаимообогащения. Однако декларирование мультикультурализма нередко сочетается с проведением этноцентристской политики. Это проявляется даже на уровне принятых правовых норм. Например, в Законе «О культуре» говорится, что одной из главных задач культурной политики региона является «содействие развитию татарской национальной культуры, культуры многонационального народа Республики Татарстан». Большинство указанных в этой программе мероприятий касается развития культуры всех народов, проживающих в республике, однако предполагаемые в ней действия по возрождению и сохранению татарской национальной культуры являются приоритетными. Сохранение и развитие культур народов Республики Татарстан направлено главным образом на удовлетворение культурных запросов и потребностей татарского народа, проживающего за пределами РТ. Раздел VII второй программы (2004–2007) полностью посвящен поддержке и развитию культуры и языка татар, проживающих на территории Российской Федерации, стран СНГ и Балтии. Это позволило татарстанским руководителям направлять средства республиканских налогоплательщиков на оказание помощи татарскому народу, проживающему за пределами Республики Татарстан. В пункте 29 раздела II второй программы, где речь идет о сохранении и использовании недвижимого историко-культурного наследия, говорится о подготовке и издании Свода памятников истории и культуры только татарского народа.

Языковая и образовательная политика. Согласно пункту 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации, «государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык». Пункт 2 этой же статьи закрепляет право республик самим «устанавливать свои государственные языки». Вместе с тем Конституция не дает ответа, в каком соотношении между собой должны находиться государственный и республиканский языки. Законом «О языках народов Республики Татарстан» закрепляется равноправие татарского и русского языков. Но в связи с необходимостью введения особых мер по возрождению и развитию татарского языка «Республика Татарстан содействует сохранению, развитию и изучению татарского языка татарами и лицами других национальностей, проживающими за ее пределами». Программные документы, выпущенные в РТ, оказывают поддержку в первую очередь развитию татарского языка, что наглядно продемонстрировали руководители ряда учреждений, прибавив 15 % к окладам работников за знание русского и татарского языков. Нетатарское население республики в этой ситуации было сориентировано на необходимость знания татарского языка, и при этом руководство республики принимало меры по усилению его важности.

Специфика развития русского языка в современной языковой политике и системе образования Татарстана определяется рядом особенностей.

1. Будучи общегосударственным, русский язык на протяжении всей истории многонационального государства являлся для многих этносов проводником в мировую культуру и науку, он выступал и выступает частью интеллектуального потенциала всех народов, живущих в России. Российская Федерация от советского общества по наследству получила сформировавшуюся русскоязычную общность, которая значительно превышает собственно русский этнос.

2. Суверенизация Республики Татарстан стимулировала обсуждение, а в последствии и принятие законодательных мер в поддержку развития языков народов Татарстана, на деле же условия для развития татарского языка получили приоритетное значение.

С 1989/90 учебного года изучение татарского языка вводится во всех ПТУ и техникумах, а с 1991/92 учебного года для всех учащихся русскоязычных школ независимо от национальности и желания учащихся, в это же время открываются новые типы татарских учебных заведений – лицеи и гимназии. Количество часов на изучение русского языка, по сравнению с другими регионами РФ, было сокращено в два раза. С введением единого государственного экзамена (ЕГЭ) тенденции дисбаланса в языковой политике обозначили проблему слабых знаний русского языка среди выпускников общеобразовательных учреждений.

Тем не менее русский язык остается лидирующим во многих сферах жизнедеятельности татарстанцев: бизнесе, делопроизводстве, науке (естественной и обществоведческой), среднем и высшем образовании (за исключением специального гуманитарного).

Несмотря на введение татарского языка в обязательную школьную и вузовскую программы, татарский язык не стал актуальным для большинства татарстанцев. Способных его использовать на работе среди русских РТ в конце 1990-х годов было всего 0,4 %. Наше исследование показало, что татарский язык, как наиболее важный, выделяют 4,7 % из числа опрошенных русских студентов и 0,8 % школьников (среди татар этот показатель составляет соответственно 4,2 % и 2,7 %). Учащаяся молодежь из двух государственных языков РТ в большей степени отдает предпочтение изучению русского языка. Однако по сравнению с официальными языками РТ наиболее необходимым для дальнейшей жизни, по мнению учащейся и студенческой молодежи, является английский язык, как язык международного общения.

Таким образом, несмотря на усилия республиканских властей, значимость языка в регионе определяется в первую очередь его социальной потребностью. Государственный статус русского языка, его роль в приобщении к западной культуре, успешная языковая адаптация в системе образования и науки для народов Татарстана являются более востребованными факторами, чем региональная языковая политика, актуализирующая значимость татарского языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.